

Ленин**

Ленин родился в семье директора народной школы в 1870 г., в Симбирске, на Волге. За год до его совершеннолетия старший брат Ленина за покушение на Александра III был приговорен к смерти. Ясно, что при таких обстоятельствах Ленин уже не мог спокойно учиться в Казани. Он тотчас погрузился в революционную литературу и уже через месяц был исключен из университета. Однако ему удалось выдержать государственный экзамен по юриспруденции в Санкт-Петербурге. С этого времени он становится убежденным марксистом, публикует свои первые работы, а в 1895 г. создает «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Работа в Союзе закончилась для него пятилетней ссылкой в Сибирь.

С 1900 г. Ленин на долгое время уезжает за границу. В 1903 г. он расколол социал-демократическую партию и после энергичной борьбы становится во главе ее радикального большевистского крыла. Его главными требованиями, каждое из которых возникло из чувства «актуальности революции», были: 1) строгая дисциплина членов партии; 2) политизация и милитаризация экономической борьбы пролетариата; 3) подготовка пролетариата к руководству предстоящей революцией; 4) решительный отказ от общего фронта борьбы вместе с радикальной буржуазией и союз с деревенской беднотой.

В 1905 г. Ленин возвращается в Россию и с отчаянной энергией агитатора и организатора борется за вооруженное восстание, закончившееся, как известно, неудачей. С 1907 г. он живет за границей.

* Федор Августович Степун (1884–1965) — русский философ, социолог, историк, литературный критик, общественно-политический деятель, писатель. В ноябре 1922 г. был выслан советской властью за границу. Активно работал до конца жизни. Писал на русском и на немецком языках.

** Перевод с немецкого А.А. Ермичева.

Когда разразилась война, Ленин начал неистовую борьбу против «империалистической бойни». Существенно то, что Ленин ведет свою борьбу не как пацифист, а как революционный милитарист. Его лозунгом был не мир, а гражданская война. Пожалуй, как раз в эти годы Ленин становится достаточно заметен. Ему удалось то, что удастся только врожденной вождистской натуре: оставаясь одиноким, ни на мгновение не сомневаться в верности избранного пути.

С началом революции Ленин спешит в Россию. За восемь месяцев из странной политической фигуры, которую поддерживали только верные члены партии и безграмотная солдатская масса, он превратился в роковое олицетворение русской революции.

В октябре 1917 г. вопреки воле многих своих товарищей по партии, Ленин захватывает власть. Монументальность его первых декретов сравнима только с библейской историей творения. Не обращая внимания на их исполнимость и результативность, он пытается за одну ночь вызвать к жизни новый мир.

Он начинает с национализации банков, передачи крупных имений крестьянским советам, а фабрик — рабочим. Во второй половине того же года он проводит национализацию промышленности и частной торговли. Вновь созданные продовольственные комиссариаты получают указание подсчитывать и распределять общий продукт. К этому времени для всех непролетарских элементов был введен обязательный физический труд. Его исполнение регистрировалось в специальных рабочих книжках, что служило основанием для получения продуктов питания. Так под полными парусами правила навстречу отмене денег.

Рука об руку с развертыванием этой хозяйственной программы шло развитие большевистской политики в области культуры.

Ее высшей идеей является отрицание буржуазной свободы мнений, в которой истина и свобода находят общую могилу. Для Ленина свобода обозначает не право искать истину, а долг осуществлять давно найденную истину. Для него свобода всегда была познанной необходимостью. Материалистический характер истины, защищаемый Лениным, ведет к тому, что из всех форм причинности признается только причинность механическая. Так возникает основная идея большевистской политики в области культуры — идея механического и насильственного нового чекана русской души и русской жизни.

Все прочее объясняется этим: страстная борьба с церковью, что резко противоречит Декрету об отделении церкви от государства; замена всякой философии марксистско-ленинской догмой в университетах и школах; в искусстве — подавление всего, что не означает крайней революции его форм и всем доступной ил-

люстрации пролетарской судьбы; не в последнюю очередь этим объясняется советская педагогика, которая повсюду — и в университетах, и в детских садах — преследует одну-единственную цель — по-марксистски организовать сознание и переживание русского человека.

Так все кружит вокруг одного центра.

Конечно, бывали моменты, когда Ленин тоже колебался, уступал; причем не только в области духовно-культурной, но также и в хозяйственно-политической. Однако это было лишь тактикой. Уступая тактически, он никогда не поступался принципом. Картина его жизни и трудов имеет завершенность, которую нелегко найти еще раз в истории. Духовный облик юноши и историческая участь мужчины, умиравшего в имении «Горки», выглядят абсолютно схожими. Ленин принадлежит к тем немногим людям, вся жизнь которых предстает перед нами как одно-единственное непрерывное осуществление его юношеской мечты. Если иметь в виду суждение Гегеля, будто бы гениальность является претворением юношеской идеи в жизни, то можно спросить, был или не был гением великий русский революционер. Ответ на этот вопрос полностью зависит от того, как мы интерпретируем это высказывание Гегеля. Если понимать под преданностью юношеской идее безостановочный — на протяжении всей жизни — подъем к духовной реальности и тогда же укоренение в подлинно творческом слое бытия, порождающем и дарящем жизнь, то позволено будет усомниться в субстанциальной гениальности Ленина. Что он не был гением в этом, как мне представляется, единственно верном, философско-филологическом смысле слова, доказывает полное отсутствие у Ленина действительно нового оригинального мировоззрения. Насколько силен был он в переделке жизни, настолько же малозначителен был его тип видения жизни и мышления о мире. Здесь он всегда и во всем остается только самостоятельным учеником Маркса.

И все-таки в особенностях его дарования и в размерах его было, в широком смысле этого слова, нечто гениальное. Я имею в виду постоянство его страстной воли и теоретическую последовательность его мысли - всегда прикрепленной к воле и ориентированной на практику. Так мы приходим к глубинному ядру духовного своеобразия Ленина.

Его часто именуют догматиком, чуждым миру. Такое понимание совершенно неверно: Ленин никогда не думал абстрактными умозаключениями, а всегда только конкретными решениями. Всеми своими мыслями он постоянно обдумывает одну мысль: что делать и именно теперь, в этой конкретной ситуации? Читая том

за томом произведения Ленина, переживаешь странное ощущение не мыслительного процесса, а физической работы по перестраиванию жизненной массы в заданном социальном пространстве. Эта постоянная направленность ленинской мысли на практический результат настолько очевидна, что многие его противники толкуют его, в свою очередь, не догматиком, далеким от жизни, а, напротив, оппортунистом, приспособливающимся в ней. Это тоже неверно. Оппортунист формирует жизнь с точки зрения сиюминутной практической целесообразности. Обстоятельнейшие занятия практическими вопросами у Ленина нацелены на совершенно иное: на попытку отвоёвать у всей жизни в целом доказательство правильности марксистско-ленинской теории.

Если бы Ленин был догматиком, оторванным от жизни, то он просто-напросто проигнорировал бы ее, особенно современную жизнь. Если бы он был приспособленцем-оппортунистом, то он принаровился бы к ней. Но он не был ни тем ни другим, а чем-то третьим: фанатичным экспериментатором-фантастом. Каждый экспериментатор имеет дело не с иррациональной полнотой действительности живой природы, а со специфическим отрезком действительности, сконструированным с точки зрения определенной теории. В самой высшей степени это приложимо к Ленину. Всю свою жизнь он имел дело не с эмпирически-конкретной действительностью, а с одним, искусственно сконструированным социальным миром, основанным на точном познании действительности и все же абсолютно неадекватным ей. Мыслительный прием, которым он низводил историческую действительность на социологический уровень своего революционного экспериментирования, был приемом стилизации и упрощения. Это замечали многие его современники и соратники. Уже Плеханов называл его «гением упрощения», а Троцкий писал: «Он (Ленин) воспринимал события *en masse* и мыслил блоками». Этому мышлению присуще нечто таинственное и прямо-таки мистическое, когда его простота усиливается до бессмыслицы и когда он, к примеру, утверждает, что борьба с капитализмом очень проста: нужно только повесить семьдесят капиталистов. Эта примитивность приобретает цинично-демонические черты, когда она охватывает область нравственной человеческой оценки.

В известном смысле, как в античности, Ленин тоже не делал никакого различия между знанием и добродетелью. Добродетельным был для него человек, который владел истиной. Но все истины заключены в марксизме. Поэтому все противники марксизма являются предателями, «шкурниками», лакеями, негодьями. У Ленина эти выводы следуют с механической достоверностью, как само

собой разумеющиеся. Вообще его мысль зачастую производит впечатление аккуратной работы точнейшего марксистского аппарата. Ленин проглатывает проблему, производит пару движений диалектическим рычагом и выдает марксистский мыслительный продукт. Последнее всегда ясно, точно и сподручно; часто гротескно, иногда монументально. Этой мыслительной механикой объясняется то, что в иных случаях Ленин не воспринимал смысла простейших вещей. Так, он не понимал, что Бог есть нечто иное, чем труп, балъзамированный попами, что социал-демократ может любить свое отечество вплоть до желания его защищать. И также многое другое. Парадоксальный диалектик был никудышным психологом. Свои марксистские схемы он меньше связывал с душевными реальностями, чем с революционными мифами: пролетариатом, партией, революцией, классовой борьбой, Интернационалом. Само собой разумеется, Ленин отрицал бы это. Как материалистический метафизик был он убежденным врагом всякой метафизики. И все-таки его победа доказывает немаловажное — что еще в XX столетии мифы являются силой, образующей историю.

В чем состоит, однако, особенность ленинского толкования марксизма? Если его нужно обозначить одним словом, то можно использовать только слово «фашистское». Это звучит парадоксально, но верно.

Постоянно, снова и снова в борьбе с «фаталистами» в марксистском лагере Ленин подчеркивал, что люди сами делают свою историю. Конечно, делают ее не в ими выбранных обстоятельствах, а среди обстоятельств, уже сложившихся. Поэтому, по Ленину, крайне неверно уступить буржуазии первую роль в предстоящей революции. Чисто социальную революцию могут ждать только «утописты» и «болтуны», которые ее боятся. «Подлинной революцией должен стать диалектический переворот буржуазной революции в революцию пролетарскую». На такой переворот может рискнуть пролетариат и осуществить его. Но под пролетариатом Ленин понимает не всех пролетариев, как таковых, а некоторое иерархическое образование. Во главе стоят пророки: Маркс, Энгельс, Ленин. Потом следует клир — члены партии. Ступенью ниже — воистину верующий народ: «пролетарский авангард», «рабочая аристократия» и, наконец, несознательные массы — скорее базис, чем субъект революции. Следовательно, все мыслится в форме идеократии. Уже в 1902 г. Ленин разглядел, что революционная идеократия должна быть организована не демократически, а бюрократически, и сказал об этом.

Многие не замечали идеократически-бюрократической структуры ленинского социализма, другие порицали ее как отказ

от подлинного социализма. И, однако, она вполне последовательно вытекала из ленинского восприятия социализма. В отличие от многих своих товарищей по партии, Ленин не был ни идеологом, ни воспитателем народа. Он никогда не пытался рисовать в частностях картину будущего социалистического парадиза и воспитать пролетариат для этой цели. Он всегда исходил из веры, что пролетариат хранит в своей груди живую идею социализма. Поэтому его самой большой заботой было одно: призвать пролетариат к осуществлению социалистической идеи, что значило — организовать классовую борьбу. Высшей мыслью ленинского социализма является классовая борьба в ее максимальной суровости, силе и чистоте. Но вести борьбу можно только с организацией, которая создана сверху, а не снизу. Ленин много занимается вопросами стратегии и тактики.

Примат идеи классовой борьбы в ленинской концепции социализма объясняет, почему Ленин превращал все вопросы теории в вопросы организации. С максимальным радикализмом подготавливая пролетарскую революцию, он по-своему определял истинную сущность социализма. Для него социализм являлся только неизбежным результатом классовой борьбы, ведущейся с образцовой чистотой. Чем неукротимее распространялась революция, чем безмернее становились ленинские декреты, тем очевиднее становилось, что происходящее объяснимо не только его сердечным исповеданием бакунинских слов: «Страсть разрушения есть творческая страсть», но также теоретически обоснованной волей к полному уничтожению источника буржуазной заразы, т. е. к радикальному подавлению буржуазной структуры души и буржуазного духа культуры.

Истолкование социализма и направление, которое Ленин как теоретик и тактик придал социализму, прежде всего объясняются тем, что вождь мировой революции (а таковым в первую очередь Ленин и ощущается) был не просто русским революционером, но также типично русским человеком.

В стране без буржуазии и пролетариата (в европейском смысле этого слова) «фаталистическое», законоверческое и хозяйственновверческое истолкование марксизма было бы равнозначно полнейшему отречению от скорой революции. При 80% неграмотных массовая партия едва ли могла быть построена по-иному, чем на принципе послушания иерархии. Путь к диктату пролетариата в форме диктатуры над пролетариатом был унаследован от царской автократии. Религиозный тон русской культуры и богатое русское сектантство объясняют в большевизме примат мировоззренческих вопросов и сектантско-еретический характер большевистского

мировоззрения. Факт, что царское правительство сделало невозможным участие революционных элементов русского западничества в практической жизни, отозвался большевистской практикой невозможного, марксистской склонностью к нерусскому, расположением к нерусскому. И все-таки в большевизме прозвенел древнерусский мотив мессианизма. Большевизм тоже полагает, что Россия призвана спасти мир. Вера славянофилов, будто бы Москва есть Третий Рим, снова отразилась в большевистской вере в III Интернационал.

Портрет Ленина будет завершен только в зеркале его дел. Зрелище большевистской революции потрясает нас величием ее масштабов, но одновременно наполняет нас страхом. Миллионы заключенных, миллионы умирающих с голода, миллионы убитых в Гражданской войне. Беспризорные, сифилитичные дети на улицах Москвы. Голод в стране. Подавление свободы — почти в форме возвращения к крепостничеству. Слежка, пытки и падение всей духовной культуры. И при этом, и несмотря на это: победа над белыми армиями контрреволюции. Масштабная и целенаправленная внешняя политика в Китае, в Британской Индии, во всей Европе. Не лишенное значения искусство, блестящие достижения естествознания. Открытие новых научных институтов, какие не всегда были возможны в Европе и Америке. И все это — рядом с самосожжением целых крестьянских семей из страха перед антихристом Лениным, рядом с государственным преследованием христианства и возвышением социализма до религии: красные крестины, красные свадьбы и иконописное изображение пророка Ленина. Во всем и повсюду причудливая встреча и взаимопроникновение Средневековья и Нового времени, Азии и Европы, отсталости и пророчествования, холодного расчета и лихорадочных мечтаний, творческого безумия и непонятной бессмыслицы.

Так пламенеет небо большевистской революции. Мы должны постараться увидеть на этом фоне лик Ленина, если мы хотим верно понять его значение.